

Эвиатар Зерубавель: «Невозможно понять настоящее без понимания прошлого»

Шайхитдинова С.К.

доктор философских наук, заведующая кафедрой журналистики
Казанского государственного университета

В рамках сотрудничества Казанского государственного университета и университета Ратгерс (США) в Казани побывали профессор социологии Эвиатар Зерубавель и его жена профессор по иудаике и истории Яэль Зерубавель. Предлагаем вам интервью с Э. Зерубавелем, в которое вошли беседа с ним Светланы Шайхитдиновой (перевод Марины Могильнер), а также фрагменты диалогов со студенческой и аспирантской аудиторией, перед которой наш гость выступал с лекциями. Их сквозная тема определилась интересной областью исследований, актуальной и для наших отечественных гуманитариев – социологией памяти.

– Так какую же память изучает социология памяти?

– Речь идет о социальной памяти, которая отличается от того, что каждый из нас помнит непосредственно и носит в своем индивидуальном сознании, тем, что она имеет персонифицированный характер. «Места» сохранения такой памяти – архивные документы, библиотеки, фотографии, видео, содержание средств массовой информации... Но не только. К примеру, культурные традиции также служат формированию данного феномена. При этом «традиция» это не только что помнят, но и как помнят, – другими словами, это доминирующие в данной культуре нормы запоминания и вытеснения. Социология памяти, обращаясь к ключевому концепту социальной науки – к социализации, – может говорить о так называемой мнемонической социализации, – о том, как индивиды обретают и закрепляют в себе навыки социальной памяти. Этому процессу способствуют «мнемонические группы»: семья – на микроуровне, профессиональные и иные корпоративные сообщества на среднем уровне, а также этнос, государство – на макроуровне. Общество в целом может рассматриваться как большая «мнемоническая группа». Ее влияние на организацию содержания, к примеру, исторической памяти (через учебники истории, публичные ритуалы и пр.), трудно переоценить.

– Значит, социальная память, это нечто объективное, не зависящее от отдельных людей?

– Я бы так не сказал. «Расположение» социальной памяти – где-то «между» субъективным и объективным. Как отметили бы представители феноменологической социологии, это интерсубъективный уровень. Индивид не является пассивным получателем того, что «спускается сверху». Вокруг разных интерпретаций событий разгораются настоящие битвы. И это не обязательно в среде экспертов, исследователей. В целом наблюдается большое различие между «мнемонической политикой» государства, стремящегося определять общественные нарративы, и позицией «простых людей». Для примера хотел бы сослаться на интересную статью немецкого исследователя Ульриха Херберта, в которой приведены результаты анкетирования немцев, проживавших в Германии в 20-е, 30-е, 40-е годы прошлого столетия. Их воспоминания свидетельствуют, в какой степени индивидуальный опыт разных поколений по периодизации истории отличен от периодизации, которая популяризируется официально. К примеру, очень важной датой принято считать 1933 год, в то время как на уровне интервью значимым оказывается 1935 год, когда Германия вышла из экономической депрессии. Мало что значит в представлениях немцев тех поколений

другая историческая дата – 1939 год. А 1943 год – год перелома в войне – для них оказался чрезвычайно значимым. Эти данные свидетельствуют о том, что существует очень серьезный зазор между официальным дискурсом периодизации истории и тем феноменологическим опытом переживания, который до сих пор остается ведущим в мировидении целых поколений.

В добавление к тому, что могло бы смягчить объективистский подход к трактовке социальной памяти, укажу на возможность употребления в ее отношении таких психологических определений как «оптимистическая» и «пессимистическая» память. В обществе может доминировать та или другая.

– Какая память доминирует в американском обществе?

– Полагаю, что оптимистическая, чему в немалой степени служит официальная трактовка истории. Сошлюсь на многолетний эксперимент американского историка Майкла Фреша, который в течение двадцати лет предлагал своим студентам написать десять ключевых имен, олицетворяющих историю страны. Что характерно, из года в год студенты разных поколений, в целом называют одни и те же имена.

– Как Вы пришли к тому, что социальная память стала предметом Вашего исследования?

– Можно выделить два момента, повлиявших на меня в этом. Первый – исторический. Это, когда в январе 1994 года, путешествуя по Мексике, я поражаюсь, как сложна, многослойна ее история, и при этом как мало мы о ней знаем. И это потому, что определенные группы предпринимают усилия для «извлечения», замалчивания целых исторических периодов жизни этой страны. Именно тогда я понял, что хочу активно заниматься вопросами социологической организации памяти.

Второй момент, определивший мое внимание к этому предмету, как я теперь понимаю, – связан с особенностями моей собственной жизни. Когда я был маленьким мальчиком, я любил читать энциклопедии, книги по истории, любил составлять генеалогическое древо монархов, знатных особ. В дальнейшем профессионально заниматься социологией я

начал с изучения проблем времени – изучал календари, опыт поколений. Это стало очередным обстоятельством, сформировавшим у меня определенную чувствительность к репрезентантам времени.

Кроме того, меня как социолога интересует, как те или иные структуры «работают» на разных ментальных уровнях. Мне доставляет настоящее эстетическое удовольствие проводить такого рода структуралистский анализ. Если обратить внимание на названия моих книг, то можно заметить, что в них везде присутствуют метафоры структуралистского порядка: «карта», «линия», «круг». Занявшись когнитивной социологией, я обнаружил, что в социологии мышления социальные аспекты памяти изучены слабо. К этому можно добавить, что в то время моя жена работала над уникальным исследованием в области памяти (в 1995 году Яэль Зерубавель выпустила книгу «Вновь обретенные корни: коллективная память и создание национальной израильской традиции» – С.Ш.). Все это побудило меня пойти в этом же направлении.

Таким образом, когда я впервые начал читать университетский курс когнитивной социологии (это было в 1980 году), из 14 недель лекционных занятий «памяти» была отведена всего одна неделя, а тринадцать лет спустя я уже посчитал себя готовым предложить по этой теме самостоятельный курс для аспирантов под названием «Время, история, память».

– Где же, по-Вашему, пролегает граница между настоящим и прошлым, памятью и современностью? Вроде бы, вся современность это – запечатленная память.

– С философской точки зрения мы можем дать два противоположных ответа на этот вопрос. Все есть настоящее потому, что жизненный опыт переживается феноменологически всегда как настоящее. С другой стороны, как только мы начинаем думать об этом, каждый момент размышления сразу становится прошлым, так как мысль это то, что уже произошло.

На мой взгляд, невозможно понять настоящее без понимания прошлого. Если говорить в рамках проекта по генеалогии, который я здесь представляю, то мы, сегодняшние, должны помнить, что у нас у каждого есть «пупок», который связывает нас с прошед-

шим, и мы, таким образом, все несем частичку прошлого. (Эта «биологическая» метафора найдена мной в очень интересной дискуссии о нациях между Эрнстом Гелнером и Энтони Смидтом).

– **В одной из своих лекций Вы сказали, что любой дом можно рассматривать как музей. Что Вы имели под этим в виду?**

– Это связано с той частью моего проекта по генеалогии, которая касается культа предков. Иллюстрацией может выступить то, что мы наблюдаем в вашей комнате, где на стенах висят портреты людей, которые поколенчески вам предшествуют, физически здесь не находятся, но феноменологически они – рядом с вами.

– **Расскажите, пожалуйста, подробнее о Вашем проекте генеалогических исследований.**

– В генеалогии меня интересуют два измерения: диахронное, затрагивающее отношения между предками и потомками, и синхронное, обращенное к отношениям между живущими ныне людьми. В 2002 году я закончил работу над книгой «Карты времени», одна из ее глав называлась «Предки и наследование». Тема, поднятая в ней, продолжала в течение последующих трех лет удерживать мой интерес, пока на ее основе не родился «генеалогический проект». Я понял, что в его рамках я смогу объединить свой интерес к истории семьи, к истории времени и к истории человеческой эволюции.

Кроме того, меня как социолога всегда интересуют проблемы классификации, типологизации, временной протяженности социальных явлений. В рамках проекта по генеалогии эту проблему можно рассмотреть применительно к изучению таких мнемонических групп как «семья», «поколение». Ведь межпоколенческая транзитивность, – попросту говоря, то, как мы «узнаем» свою родню, – определяется прежде всего социокультурно. У генеалогического древа нет «нижнего» ограничителя для роста – оно способно бесконечно уходить в глубь веков. Метафорой этой связи может стать слово «линия» (так появилась одна из моих книг «Финальная линия»). Намеченная «линия», кстати, может быть не только генеа-

логической, но и интеллектуальной или идеологической. Интересно изучение политики именования детей, исторических персон, политики нумерологической периодизации истории. Отчего, к примеру, Йозеф Ратцингер, 265-й Папа Римский, седьмой папа-немец в истории понтификатов, принял имя Бенедикт XVI (период папства Бенедикта I – с 575 по 579 год – С.Ш.)? Или, какую значимость имеет обозначение победившего Николя Саркози Шестым президентом Пятой республики? Всему есть объяснение.

Выступая из прошлого, «линия» направлена не только в будущее, но и в настоящее. Примером может служить единение современников, считающих себя потомками одного предка. Здесь к слову «линия» может быть добавлено другое понятие – «ширина измерения». Такого рода генеалогические сообщества решают острую для цивилизованного человека проблему групповой идентичности. На этой основе складывается тенденция к эссенциализации семьи, этноса, жителей огромных территорий. К примеру, существует такое понятие как «индоевропейская семья народов». Фактически генеалогические структуры есть результат процесса классификации – «разделения» и «слияния».

– **Отчего, на Ваш взгляд, зависит интенсивность стремления к генеалогической консолидации в тех или иных группах? Существуют ли стабильные факторы, определяющие этот процесс?**

– Существуют смысловые универсалии, вокруг которых формируются те или иные процессы. Думаю, исследователю необходимо ориентироваться именно на универсалии, а не на особенности разделения, которые могут обернуться оправдательным аргументом для представления «превосходства» определенных групп над другими. Сама же специфика селективности тех или иных стратегий определяется прежде всего историческим контекстом.

– **Как выражает себя социальная память? Говоря на языке дискурсивного анализа, через какие практики и коды она дает о себе знать?**

– Ближе всего к анализу дискурсивных практик я подошел в своей книге «Терра Ин-

когнитивна», посвященной тому, как европейские путешественники познавали и описывали мир через язык картографии. Исследование способов выражения социального содержания включено и в мою последнюю книгу «Слон в комнате».

Речь в этой книге идет о социологической организации молчания и отрицания. «Слон» – это нечто такое, что всеми замечается, но не именуется, «открытый секрет». Аллегорическое описание подобной ситуации мы находим в сказке Андерсона о голем короле. Эта сказка актуальна еще и потому, что в ней дается представление о том, какова роль института власти в организации подобного заговора молчания. В нашей жизни существует немало ситуаций такого рода, когда есть нечто, что обсуждается один-на-один, но на публике на это «нечто» наложено социальное табу: «не спрашивай – не говори». Это уже своего рода антидискурс выражения.

В конструировании коллективной памяти роль такого рода практик трудно переоценить. Целые периоды истории, участниками которых были многие люди, вытесняются, как бы перестают существовать. Психологи в этом случае говорят о том, что имеет место отказ от переживания боли. Но бывают и случаи сознательного замалчивания важных событий, предпринимаемые властью в определенных политических целях. При этом наиболее эффективной стратегией является здесь «молчание о молчании».

Мною исследуются когнитивные, поведенческие основания подобного «заговора молчания». Мы склонны объяснять свое поведение иногда тактичностью («король-то – голый»), иногда политкорректностью – этой сильной формой такта, или мягкой формой табу. В реальности заговор молчания функционален: он призван поддерживать равновесие в группе. Однако плата за такое «равновесие» очень

велика: порождаются опасные дискурсивные «минные поля». Во-первых, у нас генерируется иллюзорное восприятие реальности; во-вторых, мы формируем искаженное мировидение у своих детей, которые здесь полностью зависят от взрослых; в-третьих, заговор молчания, хотя и направлен на поддержание группы, в конечном счете провоцирует ощущение одиночества; в-четвертых, оправдывается факт морального примирения с тем, что в действительности мешает жить. В конечном счете проблема замалчивания чего-либо – это не проблема средств. Это проблема отсутствия желания, готовности что-то изменить в этой жизни.

– Вопрос, который бы Вам задали оппоненты конструкционистского подхода: не разрушает ли эта позиция само понятие культуры, которое не может обойтись без опоры на эссенциалистскую парадигму?

– Я не назвал бы себя последовательным конструкционистом, хотя в свое время был подвержен очень сильному влиянию сторонников этого метода. Читая курс по общей социологии, я воссоздаю достаточно эклектичную картину методологии социальной науки. На мой взгляд, дихотомией «конструкционизм-эссенциализм» не может быть исчерпано все многообразие подходов к истории, к повседневности. Есть место и для деконструктивизма Дериды и для феноменологического анализа Щюца.

Сам я в своих исследованиях занимаю достаточно гибкую позицию. К примеру, в своей книге «Семидневный цикл», посвященной изучению недели, я исхожу из того, что неделя это конструкт: семидневный ритм не дан нам природой. Однако история его применения сделала этот конструкт нашей реальностью, частью нашего опыта. И нам уже сложно представить себе периодизацию повседневной жизни с иной продолжительностью...

